

гом в бой; Ванатаган старается где только можно нанести им ущерб. В этом образе проявляются черты христианского черта. Он становится олицетворением ада, хочет создать на Сааремаа новый ад, куда было бы легче утащить жителей этого острова. Спасаясь бегством от Тылла, Ванатаган тонет в море, и его замыслы остаются неосуществленными.

Из других богатырей-великанов известен Лейгер, родственник или брат Большого Тылла. Он живет на ю. Хийумаа и похож в общих чертах на Большого Тылла. У него был жилой дом, жена-великанша и несколько сыновей. Он разводил капусту и ходил через пролив на Сааремаа в гости к Тыллу, держа в руках семи-саженное бревно как палку, а в каждом кармане имел по бочке пива. Тылл также часто посещал Лейгера. Последнему приходилось сражаться с внешними врагами и Ванатаганом; кроме того, он истребил на Хийумаа всех волков.

Мифическим мастером-строителем является Олев, но других мотивов с ним не связывают. Распространению преданий о нем содействовало известное произведение искусства, а именно находящийся на внешней стороне Таллинской церкви Олевисте кенотаф скандинавского мастера Ханса Павелса.

Небольшая часть православных эстонцев, проживающая на юго-восточной границе страны, входила раньше в состав Псковской губернии. В некоторых преданиях, бытующих в тех местах, говорится о трех братьях, богатырях-великанах, которые одновременно строили; один в Печорах, другой в Изборске, третий — в Пскове. У них на троих был лишь один молоток, который они по мере надобности перебрасывали друг другу (этот мотив встречается и в преданиях о Тылле и Ванатагане). Дальнейшего развития образы этих богатырей не получили, но на их месте появляется новый герой, которому предания приписывают богатырские свойства: историческое лицо из времен Ивана Грозного — настоятель Печорского монастыря Корнелий. По-видимому, здесь произошло слияние преданий о безымянных богатырях-великанах с житийной литературой. В период своего настоятельства (1529—1570) Корнелий отстроил Печорский монастырь и окружил его мощной стеной. В 1570 г. во время русско-ливонской войны монастырь посетил Иван Грозный. Он услышал, что Корнелий якобы собирается оторгнуть монастырь от России, и с этой целью соорудил стену. Когда настоятель вышел навстречу царю, последний отрубил ему мечом голову. Предание говорит, что Корнелий взял свою голову, пошел с ней в часовню и лег там спать. Перед этим он дал обет помочь народу, если тот будет в большой беде и призовет его на помощь.

Несколько вариантов предания о печорском богатыре записано и у русских. Аналогичные мотивы встречаются и в преданиях о Большом Тылле.

Издание эстонских преданий о великанах и богатырях — важное достижение советской и международной фольклористики. Особое значение имеет работа, конечно, для эстонской истории культуры и фольклористики.

Пространные резюме на русском и немецком языках, а также подробные оглавления на трех языках, являясь по существу каталогами сюжетов, делают трехтомник доступным для тех, кто не знает эстонского языка. Было бы все-таки желательно, чтобы на русском и немецком языках был дан также общий для трех томов систематизированный предметный указатель. Это, конечно, значительно увеличило бы объем последнего тома, но помогло бы иноязычному читателю глубже вникнуть в суть преданий.

Заслуживает внимания текстологическая тщательность, с которой подготовлено настоящее издание.

Предания являются ценным материалом, освещающим различные стороны духовной жизни народа. Сравнительно-историческое изучение преданий различных народов помогает раскрыть закономерности развития психологии народов, высветить влияние общественного строя и социальной среды на возникновение и развитие преданий и их миграцию от одного народа к другому, а также выяснить причины спонтанного возникновения сходных преданий у различных народов с одинаковым бытом.

Э. Кубьяс

Т. А. Крюкова. *Мордовское народное изобразительное искусство. Вышивка, шитье бисером, узорное ткање, резьба по дереву.* Саранск, 1969, 119 стр. с илл.

За последние десятилетия вместе с развитием национальной по форме культуры многочисленных народов Советского Союза, значительно вырос интерес к традиционным и современным формам народного изобразительного искусства. Почти в каждой национальной республике появились книги, посвященные народному изобразительному искусству и народной одежде.

Подобные издания интересны и широкому кругу читателей и специалистам по народному изобразительному искусству в театральных коллективах, кружках самодеятельности, в современной художественно-прикладной промышленности. Однако из-за того, что в большинстве своем альбомы снабжены только кратким пояснительным текстом, их нельзя использовать для научного исследования.

Рецензируемая книга выгодно отличается в этом отношении от других работ подобного типа: она хорошо оформлена, снабжена большим количеством отлично вы-

полненных фотографий и 45 таблицами, 32 из которых цветные, прекрасно передающие цветовую гамму. Из текста, сопровождающего иллюстрации, читатель узнает об истории мордовского искусства.

Т. А. Крюкова — известный специалист по народностям Поволжья, глубокий и тонкий исследователь их культуры. В сравнительно краткой статье она сумела научно обосновать культурные связи локальных групп мордвы между собой и с соседними народами.

Текст разбит на две части: 1) народное искусство в прошлом (стр. 25—89) и 2) современное народное искусство (стр. 89—119).

Во введении дается обзор использованных источников. Это коллекции ленинградских этнографических музеев, Московского исторического музея, Саранского и Саратовского областных музеев, а также коллекции музеев Пензы, Казани, Горького, Ярославля, Костромы и Йошкар-Олы. Автором привлечены также обширнейшие литературные материалы, начиная с путешествий Палласа и Георги в XVIII в. и кончая экспедициями 60-х годов XX в. Книга снабжена обширной библиографией.

Автор считает, что для мордовского народного искусства наиболее характерны вышивки — образцы художественного творчества женщин-мастериц и деревянные изделия, выполненные мужчинами.

Расположение вышивки и ее композиция тесно связаны с формой, стилем и покроем одежды. Характер узора, техника вышивки, цветовая гамма составляют особенности костюма различных локальных групп мордвы. Старинная вышивка исполнялась шерстяной нитью, окрашенной растительными красителями. С конца XIX — начала XX в. появляются анилиновые красители, цвета становятся более контрастными, используется шелк-сырец вместе с шерстью. Зная обо всех этих особенностях, можно определить время изготовления вышивки. Подробно рассмотрев соотношение архитектоники узора и покроя наплечной поясной одежды, Т. А. Крюкова правильно указывает, что холщовые, покрытые продольной вышивкой передники (вид поясной одежды) схожи с болгарскими престилками (стр. 4), а мордовские поясные полотенца — с поясными подвесками марийцев и чувашей.

Т. А. Крюкова констатирует древность традиций в вышивке и зависимость узора и композиции от того, на какой случай жизни одежда рассчитана. Так, на «покае», обрядовой рубашке, которую девушка надевала в праздник совершеннолетия, вышивается особый узор. Рассказывает автор и о традиционном «приводе ниток» определенных цветов свекровью в дар невесте (стр. 55) и т. д.

«В данном случае нас может интересовать главным образом орнаментация в качестве примера старинной, давно вышедшей из употребления вышивки, сохранившейся лишь в обрядовой одежде» (стр. 35—36), — пишет Т. А. Крюкова. Не останавливаясь на смысловом значении орнаментики, автор рассматривает ее с эстетической точки зрения, считая лишь это важным в книге по искусству. Между тем в других своих печатных работах и в многочисленных докладах, прочитанных в Географическом обществе (но к сожалению, не опубликованных), Т. А. Крюкова постоянно указывала на смысловое значение орнамента, его символику. Так, узоры определенных сочетаний, вышитые пряжами черной шерсти и раковинами-каури в поясных подвесках говорят не только о локальных особенностях различных групп мордвы, но и являются показателем различных верований. Много раз Т. А. Крюкова приводила примеры того, что вышивка в прошлом имела магическое значение, служила оберегом и эволюция ее происходила, как в результате изменения эстетических вкусов, так и в результате перемен в сюжетах. Осветить эти моменты в работе, посвященной прикладному искусству и рассчитанной на широкого читателя, по нашему мнению, было бы далеко не лишним: при создании современных сюжетов сознательнее бы использовались традиционные сюжеты.

Подробно рассматриваются многообразные мордовские головные уборы. «Возраст носительницы, ее семейное положение, время употребления отражались на форме, орнаментации и способе украшения головного убора», — пишет Т. А. Крюкова (стр. 50). Все головные уборы, по ее мнению, можно условно разделить на: 1) высокие башнеобразные, твердые на каркасе; 2) мягкие, типа чепца или сороки, нередко со вставкой распорок; 3) полотнянные головные уборы.

Подробно остановившись на значении мордовской вышивки (разделы, посвященные старому мордовскому прикладному искусству), Т. А. Крюкова описывает и другие формы украшения одежды: 1) шитье бисером в сочетании с монетами и раковинами-каури и 2) узорное тканье. О древности этих приемов украшений женской одежды говорят и археологические материалы.

Особенно ценно, что в своей работе автор говорит о сходстве изделий, выполненных мордовскими мастерами с работами мастеров Поволжья и Русского Севера.

Приведенные в книге фотографии деревенской утвари, разных оконных наличников, ворот и т. д. подтверждают приведенную выше мысль. Несомненно, заинтересует читателя очень оригинальная, не встречающаяся ранее у других народностей примитивная деревянная скульптура (фото № 55, стр. 78). Это антропоморфная колода-улей и деревянное изображение головы старика, о котором в описании экспоната значится: «изображение языческого божества». К сожалению, это единственный экземпляр из Саранского краеведческого музея.

Во второй части работы, значительно меньшей по объему, Т. А. Крюкова говорит о том, как в народное искусство вводится современная символика (серп и молот, звезда, голубь мира и т. д.).

Прекрасные фотографии, иллюстрирующие эту часть книги, представляют значительный интерес и убедительно показывают, что все виды народного искусства продолжают развиваться, сочетая старые национальные традиции с современными.

Н. И. Гаген-Торн

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Т. Д. Златковская. Возникновение государства у фракийцев (VII—V вв. до н. э.). М., 1971, 256 стр.

Монография Т. Д. Златковской, посвященная конкретному анализу истории возникновения первого фракийского государства — Одрисского царства, вместе с тем смыкается с одной из важнейших теоретических проблем, а именно, с проблемой типологии путей перехода от доклассового, догосударственного общества к классовому обществу и государству. Достаточно известно, каким вниманием эта проблема в последнее время пользуется среди советских и зарубежных марксистов в дискуссиях о формациях тех или иных древних обществ, об удельном весе в этих обществах общинной и других видов собственности, об основных формах эксплуатации, а следовательно, о социальной структуре, определяющей их политическое устройство и т. д. Прошедшие дискуссии показали, что все обсуждавшиеся вопросы не могут быть решены на основании каких-либо априорных соображений. Только тщательное изучение первых классовых обществ Азии, Африки, Америки и Европы может выявить, какие пройденные ими пути были наиболее типичны, в чем заключается специфика каждого из них, а следовательно, какие можно выявить для данного этапа всемирно-исторического процесса общие и частные закономерности.

К таким трудам, закладывающим основу для будущих общеоисторических, историко-философских выводов, относится и рецензируемая монография.

Она возникла далеко не на пустом месте. Древней Фракии посвящены многочисленные, весьма ценные общие и частные исследования болгарских ученых. Но, как справедливо отмечает Т. Д. Златковская во введении к своей книге, вопрос о типе фракийского общества и государства VII—V вв. до н. э., когда там формируется и развивается государство, остается нерешенным. Одни исследователи, основываясь на данных о значительной имущественной и социальной дифференциации у фракийцев середины I тысячелетия до н. э. и исходя из общих соображений о том, каким должно быть первое классовое общество и государство, считали тогдашнюю Фракию страной рабовладельческой, хотя свидетельства, позволяющих заключить, что рабство играло более или менее значительную роль в производстве, нет. Другие, основываясь на неразвитости рабовладельческих отношений, отрицали наличие у фракийцев того времени государства, считая, что даже Одрисское царство, не говоря уже о других, менее оформленных образованиях, следует отнести к категории племенных союзов. Третьи, наконец, подчеркивали крепость и живучесть во Фракии общин, как кровнородственных, так и территориальных, что мешало проникновению в производство рабского труда. Они же отмечали наличие и преобладание иных, нерабских форм эксплуатации, которые обусловили и распадение общества на антагонистические классы, и возникновение государства. Делались также попытки доказать, что фракийские общинники, попадая в зависимость от родо-племенной знати, царей и формировавшегося государственного аппарата, оказывались якобы на положении рабов, а следовательно, фракийское общество и государство можно все же квалифицировать как рабовладельческие.

Большим преимуществом книги Т. Д. Златковской является то обстоятельство, что она исходит не из какой-либо заранее принятой схемы, а непосредственно из анализа и сопоставления источников — литературных, археологических и нумизматических. Анализ источников проводится ею на высоком, мастерском уровне. Особенно интересные, новые, оригинальные выводы по социально-экономической и политической истории Фракии делаются автором на основании тщательного изучения монет отдельных племен, царей и их соправителей. И хотя автор нигде не настаивает на несомненности своей интерпретации, она представляется весьма убедительной. Такое комплексное рассмотрение всех данных, несмотря на их относительную скудость, дает возможность Т. Д. Златковской не только охарактеризовать отдельные институты фракийского общества, но, что особенно важно, показать их во взаимосвязи и в развитии.

После краткого очерка истории Фракии, которым заканчивается «Введение», автор переходит к первой части, посвященной экономическому состоянию страны. Здесь рассматриваются материалы о зерновых культурах, виноделии, скотоводстве, металлургии и других видах ремесленного производства, торговле, денежном обращении. Т. Д. Златковская возражает тем, кто считает экономику Фракии середины I тысячелетия слабо развитой. С ее точки зрения, и земледелие, и ремесло достигли здесь уровня, обеспечивавшего как накопление прибавочного продукта, так и развитие товарного производства и денежного обращения, причем деньги служили не только для внешней торговли с греческими полисами, но и для внутренних рынков. Все эти факторы приводили, с од-